

А.В.Блануца

Актовые книги земских и городских судов как источники для изучения правовой и социальной истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой XVI–XVII вв.

Актовые книги являются ценным источником для изучения многих исторических аспектов, в том числе права и социальной истории. Показательно, что комплекс этих источников использовался не одним поколением исследователей, однако те или иные сюжеты правовой и социальной истории остались вне их внимания.

Актовые книги земских и городских судов состоят из комплекса документов судебно-административных учреждений Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой. Такая документация отложилась в виде книг, за которыми в научной литературе закрепилось название актовых. После судебно-административных реформ 1564–1566 гг. в ВКЛ, когда были созданы земские и городские суды, эти книги стали называться земскими и городскими актовыми книгами. Для изучения внутренней истории украинских земель, которые входили в состав ВКЛ и Речи Посполитой, обозначенные книги есть чуть ли не единым массовым источником по разным историческим аспектам.

В основных моментах классификация записей правительственных книг Волыни и Киевщины упорядочена украинскими историками Н.Ковальским, Г.Боряком и В.Атаманенком. Исследователи выделяют такие разновидности записей в зависимости от их происхождения и целевого назначения: 1) официальные документы власти: распоряжения великого князя литовского; 2) частно-правовые документы: акты оборота владений; 3) судовые документы: судовые листы, приговоры, процессуальные записи; 4) предсудовые записи правонарушений и процедуры судебных исков: заявления об убытках и вреде, жалобы, показания вижев и других свидетелей; 5) публично-правовые процедуры исполнения судебных приговоров, двусторонних договоров и завещаний: введение во владения, выплата долга, передача заставы, разграничение земель, регистрация имущества, инвентаризация поместий.

Согласно с классификацией источниковедческой базы истории украинских земель в составе ВКЛ и Речи Посполитой, правительственные книги относятся к документальным текстам частно-правового и публично-правового содержания. Именно эти документы позволяют осветить множество исторических аспектов разных направлений. Информация такого содержания вносилась в актовые книги в виде договоров, записей, квитанций, судебных приговоров и т.д. Заключая подобные договора, шляхтичи оформляли письменные документы, копии которых вносились в актовые книги (земских или гродских судов). Такая юридическая процедура получила название "запись". Без нее какие-либо договора частно-правового или публично-правового содержания не имели юридической силы. В случае необходимости, сторона договора могла получить копию контракта или иного документа уже из актовой книги – так называемую "выпись", которая также имела юридическую силу оригинала.

Проанализируем последние наработки историков, исследователей ВКЛ и Речи Посполитой XVI–XVII вв., которые на основе актовых материалов пытаются заполнить некоторые неизученные сюжеты правовой, социальной истории и истории повседневностей.

Правовая история. Изучение актовой документации земских и гродских судов позволяет раскрыть важные вопросы правовой истории. Некоторые аспекты данной проблематики освещены в работах украинских историков. В результате проведения судебно-административной реформы в ВКЛ 1564–1566 гг. свою деятельность начали администрации земского, гродского и подкоморского судов, в состав которых вошли влиятельные шляхтичи. На основе детального изучения актовых записей исследователи отмечают, что, кроме штатных "урядников", при судах действовала группа судебных исполнителей, которые выполняли вспомогательные функции во время судебно-правовых процедур [1].

Со времени распространения писанного права в ВКЛ на основе сословных привилеев шляхта, как в великокняжеских, так и в шляхетских администрациях, использует собственных слуг во время правовых процедур. В частности, слуги замковых администраций предоставлялись одной из сторон в качестве официальных свидетелей для записи правового действия в актовые книги. Такой официальный "урядовый" свидетель назывался вижем, а его свидетельство – "сознанием вижевым". В отличие от "уряда", как персонального привилея, вижеводство не закреплялось за слугой в качестве должности или профессии, а считалось одно-разовым поручением на определенное дело [2]. Роль вижев значительно уменьшается после реформ 1564–1566 гг. в результате нарастания

приоритетности письменных доказательств во время судебного процесса и введения нового "уряда" при земских и градских судах – возного [3]. Второй Литовский Статут 1567 г. определил круг обязанностей возного – доставка судебных квитанций в дома шляхты, а также осмотр и оценка убытков, нанесенных в результате шляхетских наездов, разбоев, грабежей и т.д. Особенности же работы возного четко фиксировались в "сознании возного" и заносились в акты в книги. За свою работу возные получали определенную плату из казны канцелярии суда.

Период 60–70-х годов XVI в. характеризуется становлением института адвокатуры регионального уровня [4]. После относительно недолгого периода становления среди широкого круга "умоцованных" (адвокатов) очень быстро формируется их профессиональная группа, которая обслуживала юридические потребности шляхты региона. В большинстве случаев адвокатами становились слуги и клиенты князей и панов. Адвокатская практика в условиях достаточно закрытой шляхетской корпорации была одним из быстрых путей к достижению жизненных благ небогатого шляхтича. Характер услуг сводил к минимуму дистанцию между паном и слугой (или патроном и клиентом), обеспечивал их тесную связь в сложной системе взаимозависимостей раннемодерного социума.

Кроме изучения проблем функционирования судебной канцелярии, на основе актов источников ведутся успешные исследования тех или иных отраслей права, например, семейного и земельного. Как модель в исследовании социального положения женщины XVI в., Н.Старченко с помощью актов книг Волынского воеводства рассматривает практическую сторону реализации прав женщин-вдов [5].

Своеобразная модель земельных отношений шляхты выстроена в статье А.Блануцы. В ней на основе актовой документации показано особенности реализации правовых норм Литовского Статута 1566 г., касающихся шляхетского землевладения на Волыни второй половины XVI в. [6]. Автор подчеркивает, что соответствующие правовые нормы Статута были направлены на защиту шляхетской собственности. Важным стало и то, что они создали новое, присущее для раннемодерного времени правовое "поле" в сфере экономической деятельности, что предусматривало свободное, неограниченное право распоряжаться этой собственностью [7].

Социальная история. Среди аспектов социальной истории, на наш взгляд, важное место занимают проблемы исторической конфликтологии и истории ментальностей, разрешению которых способствуют, в частности, и материалы актов в книги. В период XVI–XVII вв. в документах

фиксируется множество конфликтов и противоречий между общественными сословиями и внутри них. Изучение же специфики социальных конфликтов дает возможность увидеть новые грани в исследованиях социально-сословной природы и ментальной настроенности раннемодерного общества. Одним из распространенных видов конфликтов по праву можно назвать шляхетские наезды, которые еще не стали предметом систематических исследований на территории Украины XVI–XVII вв. Например, попытку исследовать военный аспект шляхетских наездов предпринял О. Мальченко [8], что, однако, мало в чем прояснило сущность этого феномена шляхетского социума. На основе анализа свидетельств многочисленных документов актовых книг гродских и земских судов попытаемся дать следующее определение этого понятия. Итак, шляхетский наезд – это организованное представителями господствующего социального сословия вооруженное нападение в пределах ближайшей округи на шляхетское, княжеское или монастырское поселение или владение с целью грабежа, мести, а также завладения землей, подданными, силового решения имущественных споров (часто среди родственников), подрыва экономических позиций конкурентов [9]. В Литовском Статуте 1566 г. вооруженный наезд фигурирует как "квалть", "квалтовный наезд", "квалть посполитый суседский" [10]. Наезд отличался в правовом отношении от обыкновенного разбоя. Хотя наезды и отображали агрессивный характер решения социального конфликта, они не принесли весомые перемены в фундаментальные основы социального согласия общества. Вооруженные наезды за характером и методами мало чем отличались от междоусобных войн, однако враждующие стороны всегда имели возможность урегулировать сложившийся конфликт мирным путем. Об этом свидетельствуют мирные договоры ("любобные соглашения") наездника с потерпевшим, вследствие заключения которых шляхтичи достигали определенного решения в конфликтной ситуации.

Несомненно, наезды приносили значительный урон шляхетскому хозяйству. Но если учесть количество (документы о наездах, по моим подсчетам, составляют более трети всей актовой документации) совершенных вооруженных нападений, их масштабы и, соответственно, с этого определить возможные последствия, то убытки и разрушения привели бы к полному урону хозяйственной структуры региона. А тем временем продукция шляхетских поместий успешно конкурировала не только на внутреннем, но и на внешнем торговых рынках. Вероятно, что акт шляхетского наезда в одном из своих элементов отображал характер символической демонстрации конфликта, направленного на разрядку социального напряжения внутри шляхетской корпорации [11].

Актовые источники предоставляют определенную информацию о конфликтах, возникающих в городском обществе. В этом ключе следует отметить статьи Н.Старченко и И.Тесленко, в которых авторы делают попытку разрешить сложные проблемы, связанные с выяснением причин, сути, характера, особенностей протекания конфликтов между горожанами и представителями власти городов Волыни – Владимира и Острога [12].

История ментальностей. В текстах частно-правового и публично-правового характера скрывается информация, которая, на первый взгляд, ничего оригинального не показывает, но, вместе с тем, она для опытного исследователя несет неоцененный багаж знаний о ментальности общества того времени.

Историки, согласно сферы своих исследовательских интересов, пытаются изучить особенности раннеמודерного общества XVI–XVII вв. феноменологическим путем. В частности, Н.Яковенко отстаивает свою точку зрения о доминировании двух ментальных стереотипов украинской шляхты: "человека доброго" и "человека злого" [13]. В источниках встречаются разные варианты таких ментальных стереотипов: "человек добрый, веры годный", "человек добрый, спокойный, статечный", "человек своевольный, распутный", а также "человек добрый, почтивый, цнотливый", "курвин сын" и "нецнотливый пес", природу и смысл которых автор объясняет с помощью обширного материала актовой документации.

В более широком понимании понятия человека доброго и злого отобразилось в европейской ментальности понятие чужого и своего. В частности, как отмечают исследователи истории ментальностей Европы, отношение к чужому как элемент культуры раннего нового и нового времени "хотя сугубо внешне изменилось сравнительно с XV–XVI ст. и часто касается других объектов или других людей, однако функция чужого как такова – до сих пор та же: оно есть уровнем проекций непозволенных фантазий и целью направленности агрессии, вылить которую в другой способ невозможно" [14].

Н.Старченко в своей работе выделяет публичность как особенность ментальности шляхты Волыни конца XVI в. Публичность как доминанта культурной традиции в обществе волынской шляхты проявлялась несколькими путями. Среди них автор выделяет полюбовный суд, совет приятелей при женитьбе, совершения дара и деловых операций, доминирование понятия "служба" на всех уровнях семейной жизни, обмен дарами между мужем и женой за верную службу, ритуал смягчения конфликта посредством акции театрализации конфликта [15]. При этом акцентировано внимание на том, что в соотношении частного и публич-

ного "публичное" еще на конец XVI в. оставалось регулятором поведения членов волынского социума. В этом плане ситуация меняется в XVII в., особенно во второй половине, когда в менталитете украинского общества доминирует такая черта, как индивидуализм [16].

История повседневной жизни. Актовый материал создает одни из самых благоприятных условий для исследования шляхетской семьи, ее внутренней жизни и организации. Именно благодаря массиву неопубликованной и опубликованной документации луцких актов книг И.Ворончук уже который раз пытается доказать свою концепцию исчисления количества людей, которые могли бы проживать в одном шляхетском дворе [17]. В частности, автор, согласно с источниками, совершила составление нескольких десятков шляхетских дворов Волыни второй половины XVI ст. По ее данным, в таком дворе проживала семья шляхтича – владельца двора (нередко не одного поколения), а их домохозяйство обслуживали слуги и челядь, причем слугами могли быть зажиточные и знатные шляхетские семьи. Традиционно слугами двора были шляхтичи нескольких поколений. Очень часто они за длительную и преданную службу выслуживали села или небольшие имения. Челядь (вольная и невольная) также проживала и работала в шляхетском дворе вместе со своими семьями. Таким образом, И.Ворончук предлагает засчитывать весь штат дворовых слуг и челядь к общим исчислениям коэффициента шляхетской семьи (в среднем он равен 18–20 человек). Автор полагает, что шляхетская семья еще не отделилась от своих слуг и челяди, которые проживали вместе с ней.

По своей типологии шляхетский двор представлял собой достаточно большое домохозяйство, где вместе проживала и собственно биологическая шляхетская семья, а также их слуги и челядь со своими семьями. "Это был единый, – делает вывод И.Ворончук, – социальный "домовой" организм, полноправные и неполноправные члены которого жили по единому и общему домашнему распорядку и правилами, безоговорочно покоряясь единому главе рода" [18].

Не менее интересна работа, с точки зрения возможности использования материала судебных книг, российской исследовательницы М.Корзо о контроле за соблюдением норм сексуальной морали в польских деревнях XVII, а также XVIII ст. [19]. В частности, автор на примере устава сельских общин раскрывает механизм совершения наказаний по нарушению норм сексуальной морали. В сельской общине дела о моральные преступления рассматривались на так называемых "ругах", в которых принимали участие войт, сельская община, публично избранные присяжные и главенствующий – руговик. При этом участие в ругах рас-

пространялось на всех членов общины, а за неявку на руги нужно было платить весьма большой штраф. Приговор, что выносился судьями, исполнял две главные функции: репрессивную – наказать виновного и превентивную – предупредить совершения аналогичного преступления как самим осужденным, так и другими членами общины. В общем, наказание каких-либо форм сексуальных девиаций, как отмечает М.Корзо, "стает не только самоцелью, но и должно было укреплять институт брака" [20].

Отметим, что наведенные примеры отдельных исследований, которые главным образом базируются на документации актовых книг, предоставляют уникальные возможности для изучения разных аспектов социальной истории. Будем надеяться, что знания из сферы права, исторической конфликтологии и истории повседневной жизни (как и много других аспектов) не только станут более полными, но и, возможно, будут по-новому оценены те или иные социальные явления.

Таким образом, в последние годы значительно активизировалась работа современных историков по изучению актовой документации земских и градских судов. Новые методики и подходы, использованные ими в процессе исследовательской работы, дают возможность более глубоко изучить актуальные проблемы правовой и социальной истории. Отметим, что результаты их работы освещены в авторских статьях, но до сих пор нет монографических исследований. Вероятно, что эта проблема разрешится в ближайшее десятилетие.

Література

1. Крикун М. Земські уряди на українських землях у XV–XVIII століттях // Записки НТШ. – Львів, 1994. – Т. 228. – С. 65–122. Детальна інформація о луцькой судебной канцелярії содержится в статье автора: Блануца А. Судово-адміністративний устрій і територіальні межі Луцького повіту Волинського воєводства: фактор реформ у Великому князівстві Литовському 1564–1566 рр. // Наукові записки з української історії. – Переяслав-Хмельницький, 2004. – Вип. 15. – С. 225–231.

2. Этой проблеме посвящено несколько статей В.Полищука: Свідки в литовсько-руському праві до судово-адміністративної реформи 1564–1566 рр. // Молода нація: Альманах. – К., 2000. – С. 123–163; Врядове виживство краснопільських бояр в контексті замкових служб // Молода нація: Альманах. – К., 2001. – С. 136–239; Врядове виживство в структурі публічно-правових процедур (на матеріалі луцьких замкових книг 1558–1567 рр.) // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2002. – Вип. 1. – С. 79–109.

3. Поліщук В. Запровадження уряду возного у Луцькому повіті у 1567 році // Український археографічний щорічник. – К., 2002. – Вип. 7. – Т. 10. – С. 185–215.

4. Старченко Н. Умоцовані-прокуратори-приятелі. Хто вони? (Становлення інституту адвокатури на Волині в кінці XVI ст.) // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2002. – Вип. 1. – С. 111–144.

5. Старченко Н. Шлюбна стратегія вдів і кілька проблем навколо неї (Шляхетська Волинь кінця XVI ст.) // Київська старовина. – 2000. – №6. – С. 58–74.

6. Блануца А. Правові основи шляхетського землеволодіння за Другим Литовським Статутом 1566 р. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К., 2003. – Вип. 3. – С. 129–138.

7. Там само. – С. 137.

8. Мальченко О. Шляхетські наїзди у світлі маєткових актів кінця XVI – першої половини XVII ст. (військовий аспект) // Київська старовина. – 1997. – №3–4. – С. 94–113.

9. Детальную информацию о социально-сословной обусловленности шляхетских наездов на примере Волыни второй половины XVI в. смотри: Блануца А. Шляхетські наїзди на Волині у другій половині XVI ст.: щоденна практика чи соціальна девіація? // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2002. – Вип. 20 (Історичні та культурологічні процеси на Поліссі та в Україні (XI–XX ст.)). – С. 36–42; Его же. Соціально-становна зумовленість шляхетських наїздів на Волині у другій половині XVI ст. // Український історичний журнал. – 2003. – №4. – С. 103–111.

10. Терминологический и частично правовой аспекты проблемы освещен В.Гулевичем: "Наїзди" у русько-литовському праві XV – кінця XVI ст. (Розвиток і еволюція права на прикладі наїздів) // Просемінарії. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. – Вип. 5. – К., 2003. – С. 33–63.

11. Данный тезис был озвучен в одной из публикаций автора: Блануца А. Шляхетські наїзди на Волині у другій половині XVI ст.: щоденна практика чи соціальна девіація?.. – С. 36–42.

12. Старченко Н. Конфлікт у Володимирі 1566 р.: варіант мікроісторичного прочитання // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2004. – Вип. 3. – С. 65–98; Тесленко І. Боротьба за Остріг: князь Острозький проти острозького старости // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2004. – Вип. 3. – С. 99–120.

13. Яковенко Н. Про два ментальні стереотипи української шляхти: "чоловік добрий" і "чоловік злий" // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. – К., 2002. – С. 106–147.

14. Історія європейської ментальності / За ред. П.Дінцельбахера. – Львів, 2004. – С. 493.

15. Старченко Н. Публічність як домінанта культурної традиції (Волинь другої половини XVI століття) // *Mediaevalia ucrainica*: ментальність та історія ідей. – К., 1998. – Т. 5. – С. 68–81.

16. Ростовська О., Блануца А. Українська ментальність і національна революція // Сіверянський літопис. – 2000. – №1. – С. 3–10.

17. Ворончук І. Шляхетський двір: його слуги та челядь // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2004. – Вип. 4. – С. 117–133. О количестве человек, которые могли бы жить в одном шляхетском доме, детально

інформацію см.: Ворончук І. Про коефіцієнт диму на Волині в другій половині XVI – першій половині XVII ст. // Український археографічний щорічник. – Вип. 3–4. – Т. 6–7. – К., 1999. – С. 212–229.

18. Ворончук І. Шляхетський двір... – С. 133.

19. Корзо М. Контроль за соблюдением норм сексуальной морали в польской деревне XVII–XVIII вв. // Соціум: Альманах соціальної історії. – К., 2003. – Вип. 3. – С. 165–182.

20. Корзо М. Контроль за соблюдением норм... – С. 182.

О.В.Кухарук

Комплектування української козачої дивізії в війну 1812–1814 рр.

До сьогодні в Україні продовжує існувати певний розрив історичної традиції. Як правило, дослідження історії українського козацтва завершуються періодом ліквідації автономії Гетьманщини та руйнуванням Січі. Як наслідок, ми маємо більш-менш цілісну історію козацтва до зламу 1775–1781 років, а потому – окремі історії Чорноморських, Азовських, Бузьких козаків. У той же час козацтво центральної України практично не розглядається як носій козацьких традицій. Відповідно зникає цілісна історія українського козацтва та похідних від нього категорій населення в "некозаче" XIX століття. Лише в останнє десятиріччя розпочалося досить активне вивчення історії козацтва та близьких йому верст населення, саме як носіїв козацької традиції в господарюванні, світогляді, побуті і т.д. [1].

У даному дослідженні звернено увагу на спробі поновлення козачого війська на Правобережній Україні напередодні та в ході війни 1812–1814 років і наслідки реалізації даного плану.

На початку 1812 року уряд Олександра I проявляв занепокоєння становищем у "колишній польській Україні". І справді, для цього існував ряд серйозних підстав, у тому числі соціальні заворушення, пожежі та природні катаклізми [2]. Готуючись до відкритого конфлікту з Наполеоном, Олександром I підтримується "Попереднє розпорядження про утворення Українського козачого війська" від 5.06.1812 р. [3]. В ньому, зокрема, вказувалося: "Військо передбачається створити на Україні із людей до козачої служби здатних і здавна навиків і охоту до неї маючих" [4].

Відповідно мали формувати 4 козачі полки в усіх 12-ти повітах Київської губернії та 4-х Подільської губернії (Вінницькому, Гайсинському, Браสลівському, Балтському). Кожен повіт мав поставити по 2 ескадрони,